

УДК 316

© **Надежда Канашевич**

профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского института МВД (Беларусь), кандидат исторических наук, профессор

© **Nadezhda Kanashevich**

*Professor of the Social and humanitarian disciplines dept. of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, PhD in historical science, Professor
e-mail: sgd@institutemvd.by*

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ МОДЕРНИЗАЦИИ

В междисциплинарном аспекте с использованием методов исторического, социологического, культурологического и синергетического анализа в статье рассматривается аналитическое и практическое значение понятий «самобытность» и «идентичность» в контексте проблем модернизации. Обосновывается ключевое интегрирующее значение для исследования культурной самобытности народа понятия «социокультурный код», выясняется соотношение его с понятиями «ментальность», «культурно-исторический код», «цивилизационный код», «национально-культурный код».

Проблема сохранения национальной и культурной самобытности приобретает особую актуальность на фоне процессов глобализации. Мир стремительно изменяется. Общества становятся более открытыми, интернализуются условия жизнедеятельности стран, народов и регионов. Эти явления заключают в себе огромные возможности для развития человечества, но одновременно все большее значение приобретает проблема сохранения уникальности каждой составляющей его цивилизационной и национальной культуры.

В современном мире, как никогда ранее, актуализируется проблема поиска оптимального соотношения — баланса между закрытостью, обособленностью и включением в общепланетарное пространство,

сохранением цивилизационной и этнонациональной самобытности и необходимостью обретения неких уникальных характеристик, присущих современным представлениям об эффективной общественной системе («экономический рынок», «политический рынок», «общество знаний и услуг», общество «человеческого капитала», «социальное правовое государство»).

Именно в противоречии между «глобальным» и «локальным» многие исследователи усматривают основное противоречие современной эпохи, обострившееся в связи с угрозами со стороны международного экстремизма и терроризма. Отражением этой проблемы является то, что сегодня в научной и политико-идеологической лексике широко используются понятия «традиция», «менталитет», «историческая память», «культурная матрица», «социальная идентичность», «самобытность», «социокультурный код», «цивилизация», «цивилизационный код», «национальная идея», «национально-культурный код», «картина мира».

Проблема самобытности / идентичности восходит к концепциям культурной антропологии и теориям цивилизаций XIX — нач. XX века, утвердившим идею культурного плюрализма. Однако концептуальное оформление этой проблемы произошло лишь в 1970-х годах в ходе преодоления антитезы «модернизация–традиционность», предложенной в 50–60 годы XX века в ранних теориях модернизации и обнаружившей свою неадекватность при объяснении социокультурных процессов, совершавшихся в незападных странах.

С позиций ранних теорий модернизации западные исследователи пытались определить пути социально-политического развития молодых государств Азии, Африки, Латинской Америки, освободившихся из-под колониального и полуколониального гнета. Предполагалось, что содержание модернизации — перехода от традиционного («аграрного») к современному («индустриальному») обществу — не зависит от социокультурных особенностей стран, что в них будут созданы тождественные западной цивилизации структурные и культурные состояния. Таким образом, первоначально процессы перехода развивающихся обществ от традиционного к современному укладу жизни рассматривались в рамках линейной теории исторического прогресса как процесс вестернизации — усвоения западной модели развития за пределами западного мира.

Однако в рамках противопоставления традиций и современности оказалось невозможным объяснить характер модернизационных преобразований в развивающихся обществах и присущую им внутреннюю социокультурную динамику. В 1970-е годы начинается критика понима-

ния модернизации как вестернизации и постепенный отказ от ее поверхностной однолинейной модели уподобления западному образцу. Этому во многом способствовали работы английского историка А. Тойнби и израильского социолога Ш. Эйзенштадта. С позиций методологии, предложенной в исследованиях А. Тойнби, модернизация стала рассматриваться как исторический «вызов», на который каждое общество дает свой «ответ», в соответствии с принципами, структурами и символами, заложенными в его самобытном культурном достоянии [1, с. 119–120]. Вызов — это насущная проблема (комплекс проблем), которую ставит перед конкретным обществом некая неповторимая историческая ситуация. «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние» [1, с. 119]. Эффективность модернизации, по мнению А. Тойнби, связана со способностью или неспособностью элиты, наделенной «даром мистического порыва», найти адекватный ответ на вызов времени.

В работах Ш. Эйзенштадта дано уже не метафорическое, а социологическое обоснование тезиса «модернизация на основе традиций». Этот исследователь окончательно отходит от идеологии европоцентризма, обращает внимание на необходимость учета культурных, цивилизационных и национальных особенностей развития неевропейских обществ. Главным фактором, определяющим характер модернизации, Ш. Эйзенштадт признает социокультурный фактор, прежде всего, тип личности и национальный характер, обуславливающие способ, степень и границы усвоения универсальных форм организации жизни в конкретной стране [2, с. 13–14]. В подтверждение этого можно вспомнить, что проведение в XIX веке российской правящей элитой реформ «сверху» с целью внедрения образцов западного либерального общественного устройства на неорганичном для них социокультурном фоне российского общества привело к столкновению разных реальностей и «конфликту культур», проявлением которого стали революции и гражданская война.

Развитие реальных социальных практик второй половины XX столетия продемонстрировало разнообразие процессов модернизации в развивающихся обществах. Как заметил С. Хантингтон в своей получившей громкую известность статье «Столкновение цивилизаций?», а затем в написанной на ее основе работе, в современном мире «модернизация отделена от «вестернизации» — распространение западных идеалов и норм не приводит ни к возникновению «всеобщей цивилизации» в точном смысле этого слова, ни к «вестернизации не-западных обществ, попытке

переноса обществ из одной цивилизации в другую оказываются бесплодными» [3, с. 14]. Об интересе мировой общественности к этой проблеме свидетельствует то, что, по словам редакторов издания *Foreign Affairs*, в котором летом 1993 года была опубликована статья С. Хантингтона, она за три года вызвала больший резонанс, чем любая другая публикация, напечатанная ими с 1940-х годов [3, с. 6].

Модернизация — весьма противоречивый процесс, который отнюдь не сводится к усвоению достижений современного Запада. Выявились, что итогом модернизации могут быть не одинаковые в структурном и культурном отношении результаты. Причины этого разнообразны. Своеобразен фон имеющихся исторических традиций и структур; многое зависит от того, насколько традиционные политические, социальные и культурные структуры в отдельных странах и регионах могут тормозить или способствовать введению универсальных инноваций; неодинаков объем доступных модернизирующемуся обществу ресурсов; различно воздействие мирового сообщества на происходящие перемены; неодинакова эффективность деятельности национальной элиты.

Мировая модернизация стала рассматриваться не как единый процесс, а как серия процессов, целью которых является решение сходных проблем развития человеческих сообществ, но в разных социокультурных условиях и с разным результатом. Более того, модернизация может подрывать сложившиеся в обществе принципы социальности, порождая дезинтеграцию. Наиболее же позитивный результат демонстрирует вариант «модернизации на основе традиций», как это, например, наблюдалось в Японии и Турции. В этих странах адекватные требованиям современности изменения в нормативно-ценностной и смысловой сферах жизни, в социальных институтах и поведении людей осуществлялись при сохранении собственной социокультурной самобытности — «тех компонентов культурного достояния данного общества, которые оказываются функционально необходимыми на новых этапах его существования, обеспечивая его самосохранение и идентичность при всех изменениях в нормативно-ценностной и смысловой сферах» [4, с. 188].

В связи с этим категории «идентичность» и «самобытность» в научной лексике постепенно вытесняют «традицию» как не вполне адекватное понятие для интерпретации тех изменений, которые происходят в культуре и социальной структуре модернизирующихся обществ. Термин «идентичность» введен З. Фрейдом, рассматривавшим идентификацию в плане социализации как бессознательный процесс подражания (отождествления) детей родителям для усвоения их моральных норм, запретов,

ценностей. Социальная идентичность имеет групповую природу и реализуется посредством осознания сходства и различия, общих для данной группы стереотипов поведения по отношению к представителям других групп.

Отличительной особенностью общественной жизни является то, что в процессе исторического развития социальные системы (народы) приобретают свою социальную индивидуальность (самобытность, идентичность) — неповторимое сочетание характерных свойств, отличающих одно человеческое сообщество от всех других, воспринимаемых им самим как уникальные и с которыми оно ассоциируется в глазах других. Можно с полным основанием согласиться с известным афоризмом современного английского социолога А. Гидденса: «История — суть процесса индивидуализации систем». В отличие от социальных систем, элементы технических систем бывают до неузнаваемости похожи друг на друга. В тех случаях, когда необходимо их различение в процессе использования, например, технических аспектов одной и той же серии, люди дают им символические имена или номера.

В современном мировом общественном сознании постепенно утверждается идея, что каждый народ, нация и государство имеют свои исторические, социокультурные, национальные традиции и идентичность, историю, которые оказывают влияние на настоящее и будущее данного социума, а может быть, и человечества в целом. Этой проблематике уделялось огромное внимание на международных конференциях ученых в последние десятилетия XX столетия. В результате авторитетом ЮНЕСКО было признано безусловное значение принципа самобытности / идентичности в культурном самоопределении обществ и в международных отношениях. На всемирной конференции ЮНЕСКО в Мехико (1982) понятие «культурная самобытность» («идентичность») поставлено в один ряд с «независимостью» и «суверенитетом».

В документах ЮНЕСКО «самобытность» определяется как «жизненное ядро культуры, тот динамический принцип, через который общество, опираясь на свое прошлое, черпая силу в своих внутренних возможностях и осваивая внешние достижения, отвечающие его потребностям, осуществляет процесс постоянного развития» [4, с. 188–189]. Можно согласиться с мнением академика Б. С. Ерасова, что слово русского происхождения «самобытность» лучше, чем его английский коррелят «идентичность», передает в контексте социокультурного процесса оттенки смысла «социальной индивидуальности», совмещая в себе преемственность и способность к переменам, объективное и субъективное.

Задаваясь вопросом, в чем глубинные причины уникальности и неповторимости исторических эпох, культур, народов и каждого момента человеческой истории, считаем уместным вновь обратиться к методологии синергетического анализа, не забывая предупреждение И. Пригожина, что, «применяя естественнонаучные понятия к социологии или экономике, необходимо соблюдать осторожность» [5, с. 262]. В аспекте поставленной проблемы значимым представляется ряд положений, представленных в работе И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса» в широком междисциплинарном, в том числе гуманитарном и социальном аспектах.

Одним из достижений школы синергетики стало обоснование роли необратимости в тех явлениях природы, где имеют место открытые динамические системы различного уровня. Наряду с детерминированными и обратимыми явлениями (движение маятника без трения или Земли вокруг Солнца) существуют также необратимые процессы, как это имеет место в обществе, в которых «стрела времени однонаправленна» и обратный процесс никогда не наблюдается: «Возникновение новых структурных элементов и необратимость явлений — вопросы, над решением которых билось не одно поколение философов» [5, с. 27]. В классическом же естествознании, наоборот, «основной акцент делался на законах, не зависящих от времени», что и вызывало «столкновение между тем, что часто принято называть “двумя культурами” — между естественными науками и гуманитарным знанием» [5, с. 11, 20].

Открытия в области термодинамики заставили отказаться от механистического мышления XIX века. Известный американский социолог Э. Тоффлер в предисловии к английскому изданию работы «Порядок из хаоса» точно отметил, что на наших глазах «наука вновь открывает для себя время» (имеется в виду естествознание — *Н. К.*). Сегодня нельзя не признать, что, «помимо детерминированных процессов, некоторые фундаментальные явления, такие как биологическая эволюция или эволюция человеческих культур, должны содержать некий вероятностный элемент», что создает плюралистическое общество, содержащее различные альтернативы развития [5, с. 7–8]. В заключении к своей работе И. Пригожин и И. Стенгерс писали, что именно «человеческое общество представляет собой необычно сложную систему, способную претерпевать огромное число бифуркаций, что подтверждается множеством культур, сложившихся на протяжении сравнительно короткого периода в истории человечества» [5, с. 276].

Изменения в современной научной картине мира, связанные с открытиями в области термодинамики и квантовой механики, позволили

философам и гуманитариям глубже осознать, что каждая историческая эпоха, культура и народ уникальны и неповторимы, что время, в котором мы живем, уникально и неповторимо. Заслугой синергетики является также возможность создания более объемной и многоцветной картины трансформационных процессов, включая различные альтернативно-вариативные сценарии их развития.

Как отмечалось, ядром синергетики является положение о бифуркации — состоянии, «далеком от равновесия», которое порождает две альтернативы — «одну, стремящуюся к равновесию в будущем, другую — в прошлом» [5, с. 241] Исследование на уровне микрохимических явлений показало, что прохождение точки бифуркации сопровождается возникновением «принципиально новых свойств, приобретаемых системами в сильно неравновесных условиях», в их числе: способность «воспринимать» влияния, «неощутимые в равновесных условиях» и возможность «выбора одного из нескольких вариантов будущего» [5, с. 150–151, 156].

Экспериментальным путем с применением методологических принципов синергетики были определены переменные, совокупное действие которых определяет «выбор», произведенный системой «в сильно неравновесных состояниях». В числе факторов, детерминирующих процесс самоорганизации, выявлено, что в силу «высокой чувствительности» неравновесной системы она начинает «воспринимать внешние поля» и осуществлять «подстройку» к окружающей среде; что в этом выборе «неизбежно присутствует элемент случайности»; и, наконец, «поведение таких систем зависит от их предьистории». Более того, считает И. Пригожин, конечное состояние системы нельзя предсказать с высокой вероятностью, но во многом оно «зависит от предьистории системы» [5, с. 148–149, 151].

Таким образом, благодаря методологии синергетического анализа в нашем представлении меняется сам облик прошлого и его роль в трансформационном процессе. Традиционно прошлые исторические события воспринимались как нечто уже ставшее и законченное, завершённое и неизбежное. Исследования с позиций синергетической методологии качественно трансформируют прежние представления о прошлом и его значении для настоящего. Прошлое постоянно присутствует в настоящем и во многом определяет наш выбор. Если исходить из наличия общих принципов самоорганизации, присущих (хотя и в специфических формах) и человеческому обществу, то можно утверждать, что адекватное представление о настоящем должно быть историчным. Политики и идеологи, осуществляя модернизационные проекты, должны учитывать влияние на планируемые реформы опыта предшественных поколений.

Проблема диалектики соотношения старого и нового, традиций и инноваций, прошлого и настоящего, консервативного и креативного — важнейшая для трансформирующегося общества, в котором происходит разрушение прежних и появление новых установок и ориентаций поведения. Мировой опыт свидетельствует, что в условиях модернизирующегося общества (к таковому сегодня относится и Беларусь) возрастает значение фундаментальных ментальных ценностей и традиций, отражающих ключевые вехи истории, культуры и этногенеза народа, определяющие его самобытность. Эта сторона духовной жизни людей в советском обществе долгое время недооценивалась. По мнению известного российского историка А. Гуревича, ее «не принимали должным образом в расчет ни историки, ни социологи и философы, ни политики, сосредоточившие внимание преимущественно на идеологии» [6, с. 454]. Для социальных наук, развивавшихся в русле марксистской методологии, с позиций которой история рассматривалась как деятельность людей, наделенных сознанием, понятия «образ жизни», «мироощущение», «дух эпохи», стали, скорее метафорами, нежели научными категориями [6, с. 461].

С развитием глобализации, как никогда ранее, актуализируется проблема нахождения баланса между необходимостью модернизации и сохранением цивилизационной и этнонациональной самобытности каждого народа. В этих условиях учет базовых мировоззренческих оснований жизни народа становится важнейшей задачей идеологической политики государства. Проблема сохранения самобытного духовного наследия Беларуси сегодня волнует и ученых, и политиков. Как считает Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, «для нас единственно верное решение — оставаться на родной, сложившейся веками белорусской почве. Бессмысленно копировать чужие ценности и установки на основании того, что та или иная страна в данный момент времени сильна и богата» [7, с. 20].

Идеологию модернизации государства как проект конкурентоспособного развития нации и ответ на «вызовы» времени необходимо рассматривать в контексте с ее мировоззренческими основаниями — базовыми ментальными (культурно-историческими), цивилизационными, этнонациональными и религиозно-нравственными основаниями. Становление социокультурной самобытности народа — одно из самых трудноуловимых явлений общественного сознания. Сложность изучения данной проблемы объясняется тем, что процесс формирования «исторической памяти» этноса происходит намного раньше, чем возникает сам народ — носитель этой ментальности. Для изучения социокультурной самобытности в современном обществоведении используется несколько методик:

исследование фольклора, языка, этнографических источников и художественной литературы для выявления специфики ментальности, характерных для данного народа черт этнического и национального сознания и характера;

изучение и реконструкция исторических событий с целью ретроспективной экспертной оценки, позволяющей объяснить прошлое и настоящее состояние общественного сознания;

проведение социологических опросов для изучения характера установок поведения, имеющих сходств и различий в позициях представителей различных народов.

Белорусские ученые-обществоведы ведут исследования по всем перечисленным направлениям. В качестве положительного момента можно отметить, что нормативный подход к трактовке белорусской ментальности, имевший место в начале 1990-х годов, постепенно уступает место научно обоснованным исследованиям. Вместо перечисления нередко произвольно отобранных характеристик так называемой белорусскости наблюдается стремление к эмпирическому социологическому изучению специфики белорусской ментальности и общественного сознания. Об этом свидетельствуют результаты исследований Е. М. Бабосова, И. В. Котлярова, В. В. Кириенко, Л. И. Науменко и других белорусских социологов.

В Институте социологии Национальной академии наук Беларуси с октября 1990 года, уже более двадцати пяти лет, проводится мониторинговое исследование социально-политической ситуации в стране посредством систематических повторяющихся социологических опросов, проводимых по специально разработанной методике с применением специализированного инструментария, направленных на выявление важнейших тенденций и закономерностей развития белорусского общества в условиях модернизации. За этот период накоплены уникальные данные, которые позволяют осуществлять широкий спектр исследований прогностического характера и используются органами власти для принятия государственных управленческих решений. В последние годы сотрудниками Института социологии НАН Беларуси реализуется новый оригинальный проект «Цивилизационный код белорусского общества» и уникальный, первый на постсоветском пространстве проект «Беларусь-2030» [8].

Однако в зарубежной и отечественной науке пока отсутствует единая исследовательская парадигма изучения взаимообусловленности прошлого, настоящего и будущего общества. Сегодня, как отмечает известный белорусский социолог И. В. Котляров, существует явная потребность

«применения принципиально новых методов изучения социальной реальности» [9, с. 6]. Отвечая на эту потребность, научные сотрудники Института социологии Национальной академии наук Беларуси выдвинули идею о необходимости разработки парадигмы цивилизационного кода белорусского общества, которая должна стать «интегрирующим инструментом измерения многомерности процессов, происходящих в белорусском обществе» [9, с. 11].

Понятие «код» пришло в обществознание из лексики точных наук и, как досконально проанализировано в публикациях И. В. Котлярова, может быть интерпретировано в качестве парадигматически соединенных серий знаков и семантических блоков (смыслов), при помощи которых информация кодируется для ее передачи, обработки и хранения. В контексте собственно социальности «код» понимается как «некая совокупность средств биологического, социального, социокультурного характера, посредством которой определенная совокупность установок хранится и воспроизводится во многих поколениях» [10, с. 22].

Признавая продуктивность дефиниции «код» в контексте поставленной выше проблемы изучения роли культурной самобытности в процессе модернизации общества, необходимо внести определенные уточнения. Наряду с понятием «цивилизационный код» белорусскими авторами употребляются также понятия «социокультурный код», «менталитет» «национально-культурный код», «культурно-религиозный код», в связи с чем требуется уточнение содержания и соотношения этих понятий¹.

Считаем нецелесообразным в анализе культурной самобытности народа придавать ключевое интегрирующее значение понятию «цивилизационный код», так как в этом случае имеет место расширительная трактовка его содержания и растворение в нем других уровней общественного сознания. В качестве примера такого подхода приведем следующее определение: «Цивилизационный код предполагает вычленение... глубинных факторов и архетипических черт, исторических традиций и культурных, религиозных, духовных, этнических факторов, особенностей ментальности и т. д.» [10, с. 24]. Обратим также внимание и на имеющую

¹ См.: Бабосов Е. М. Роль религиозных ценностей в становлении и развитии национальнокультурного кода. С. 175–186 ; Балич Н. Л. Этнокультурные практики — основа воспроизводства культурного кода восточных славян. С. 193–208 ; Кройтор С. Н. Методологические основания социологического изучения социокультурного кода // Социологический альманах / Ин-т социологии НАН Беларуси. Минск, 2017. Вып. 8. С. 186–192 ; Котляров И. В. Социально-политическая ситуация как фактор цивилизационного кода // Социологический альманах / Ин-т социологии НАН Беларуси. Минск, 2018. Вып. 9. С. 15–29.

место в литературе точку зрения, в соответствии с которой менталитет рассматривается в качестве социокультурного кода белорусской нации, тогда как в реальности ментальность является только его важнейшим базисным компонентом [11, с. 3].

Представляется, что ключевое значение для интерпретации многомерных процессов, происходящих в общественном сознании, имеет термин не «цивилизационный», а «социокультурный код», выполняющий интегрирующую роль по отношению ко всем другим уровням общественного сознания, в совокупности обеспечивающим кодирование и интерпретацию социальной информации, включая ее ментальный уровень, опыт цивилизационного и этнонационального развития.

При выяснении специфики соотношения понятий «цивилизационный код», «социокультурный код», «менталитет», «национально-культурный код» необходимо исходить из сложности общественного сознания, которое представляет собой многоуровневое, динамичное и внутренне противоречивое явление. Ни один компонент общественного сознания не является монофункциональным, а несет в себе целый комплекс различных социальных функций, поэтому ни одно его проявление не обладает лишь одним смыслом и непосредственным содержанием, а представляет собой совокупность различных смыслов и содержания. Это обстоятельство требует создания его сферической модели, т. е. описания его в разной системе координат с использованием междисциплинарного анализа, учетом достижений философии, социальной психологии, социологии, культурологии.

Проблема структуры общественного сознания до настоящего времени остается дискуссионной в зарубежной и отечественной науке. Его структурные компоненты обычно обозначаются понятиями «область», «сфера», «форма», «уровень» (последнее — наиболее часто). Структурирование общественного сознания предлагаем осуществлять по следующим основаниям, позволяющим выделить важнейшие компоненты (уровни) общественного сознания:

- по функциональному назначению различаются познавательные, или когнитивные, (знания, интерес, убеждения) и мотивационные компоненты (ценности, чувства, установки);

- по достоверности отражения действительности — эмпирическое, обыденное, теоретическое, государственное сознание;

- по способам отражения общественных процессов — идеологические и психологические его компоненты;

- с точки зрения субъектов-носителей — массовое, групповое, индивидуальное сознание;

– по глубине «залегания» психологических образов — менталитет, историческая память, повседневное сознание («картина мира») [12, с. 18–20].

При всех различиях в трактовке структуры общественного сознания представляется невозможным обойти вниманием также три его исторических среза (уровня), которые в совокупности определяют видимую нами «картину мира»:

– низший (менталитет), концентрирующий в себе исторический и культурный опыт, как своего рода «внеисторические» ментальные ценности, традиции, установки поведения («архетипы» сознания);

– средний (историческая память), аккумулирующий опыт исторических социокультурных циклов, что отражается в особенностях цивилизационного и этнонационального развития; специфике массовой психологии и идейно-политической «нагрузки» общественного сознания на определенных этапах исторического развития;

– верхний, представленный текущим социальным опытом, имеющими место реальными ориентациями (установками) поведения людей, которые в совокупности дают представление о специфическом для данного общества на современном этапе его развития видении мира («картине мира») [13, с. 58].

Что конкретно представляет собой «картина мира» нашего общества? Ответить на этот вопрос можно только на основе мониторинговых исследований реальных установок поведения людей и применения современных методов моделирования общественных систем. Попытки системного моделирования общественного сознания по результатам опросов общественного мнения, как уже отмечалось, предпринимаются. Однако следует учитывать то, что в отличие от естественных наук, где моделирование осуществляется с большой долей вероятности, в гуманитарной области оно пока не позволяет делать достаточно реальные прогнозы, так как поведение такой сложной системы, как человеческое общество, обладает загадочной и неформализуемой способностью — «свободой воли».

Соответственно, каждый уровень общественного сознания имеет свои механизмы сохранения, кодировки, передачи и интерпретации значений и смыслов в рамках данной самобытной социокультурной традиции, что можно представить в качестве совокупности взаимосвязанных кодов, обеспечивающих социокультурное регулирование и воспроизводство социальной и культурной общественной и индивидуальной жизни на разных ее уровнях. В основе настоящего исследования лежит убеждение, что категория «социокультурный код» является базисной категорией исследования историко-культурной самобытности и ее следует использовать для обозна-

чения всей совокупности имеющих место в обществе интерпретативных схем, обеспечивающих его социокультурное сохранение и регулирование.

Категория «социокультурный код» получила рассмотрение в современной литературе. Этим понятием обозначают «те значения и смыслы, которыми общество наделяет социальные и природные объекты и явления, а также определенный набор интерпретативных схем», посредством которых можно «связать» все смыслы в единое целое, составляющее картину мира, что позволяет «видеть и воспринимать окружающую реальность так, как принято в данном обществе» [14, с. 188]. Именно совокупность и взаимосвязанность интерпретационных кодов обеспечивают понимание, взаимопонимание, стабильность и развитие в рамках общей социокультурной традиции.

Исходя из понимания категории «социокультурный код» как системной совокупности интерпретативных схем, значений и смыслов, уточним, что его основу составляет самая разнообразная информация об уникальных культурных особенностях, навыках и правилах организации деятельности и коммуникативных практик, способах их интерпретации, передающихся из поколения в поколение, позволяющих идентифицировать и самоидентифицировать данную общность (этнос, нацию). В качестве базисных компонентов социокультурного кода предлагаем считать:

1) «культурно-исторический код» — ментальные архетипы, особенности языка и мышления данного народа, воспроизводящиеся в процессе социализации и посредством «социокультурных автоматизмов»;

2) «национально-культурный код» — совокупность архетипов, значений, символов, традиций, ценностей, верований, навыков организации труда, быта и общения, отражающих специфику этногенеза, психологического склада и самоидентификации конкретного этноса, особенности формирования его в нацию;

3) «цивилизационный код» — схожие мировоззренческие и морально-этические основы ментальности, представления и ценности ряда народов, имеющих общие исторические корни и черты этнической культуры, схожую историческую судьбу, сформировавшиеся в результате их жизнедеятельности и взаимодействия в общем социокультурном пространстве, при сохранении этнокультурной, национальной и языковой специфики.

Важнейшим интеллектуальным источником и методологическим инструментарием интерпретации категорий «социокультурный код», «цивилизационный код», «национально-культурный код», активно задействованных современной обществоведческой лексикой, является то или иное понимание национальной истории в контексте общего истори-

ческого процесса. Социокультурный код любого общества по существу является отражением в общественном и индивидуальном сознании исторической судьбы народа со всеми ее противоречиями, найденными и не найденными решениями, проблемами и реалиями нынешнего состояния. При изучении ментальности и общественного сознания белорусского общества также следует учитывать, что здесь в концентрированном виде отражается сложный исторический путь, пройденный народом, являя собой сочетание разнокачественных начал: ценностей и стереотипов, унаследованных от предшествовавших эпох и государственных образований, неотъемлемой частью которых длительное время была Беларусь.

Как уже отмечалось, согласно экспериментально подтвержденным синергетикой данным, в условиях системной трансформации наблюдается актуализация «предыстории системы». Применительно к обществу речь должна идти о ментальных установках общественного сознания, отражающих ключевые вехи истории, культуры и этногенеза народа, его фундаментальные цивилизационные, этнонациональные и религиозные ценности. Вспомним предупреждение И. Пригожина, что, «забывая предысторию, утрачивают информацию» [5, с. 243]. Историческая практика также свидетельствует, что столкновение политико-идеологических решений с исторической традицией общества обычно оканчивается победой последней или обесцениванием реформаторских программ и инноваций. Недооценка исторического фактора, в том числе ментальности, нередко приводила политиков к изоляции от народа, политические партии — к поражению, общество — к углублению кризиса.

В последние десятилетия бурных потрясений и структурных инноваций история активно вторглась в политическую и идеологическую жизнь белорусского общества. В политико-идеологическом дискурсе возросло значение исторического фактора и самооценку истории белорусского народа в целом. В истории белорусские политики и идеологи стали искать ответы на вопросы сегодняшнего и завтрашнего дня. Все это вызывает потребность в осмыслении роли исторического фактора в целях более глубокого понимания истоков современных политико-идеологических процессов и резервов развития нашего общества в условиях модернизации. Вопрос соотношения между историческим и политико-идеологическим знанием представляется значимым как в эвристическом плане, так и в контексте задач идеологической политики государства в условиях модернизации.

Известный английский историк и философ Робин Дж. Коллингвуд в работе «Идея истории» (1946) высказал мысль, которая, хотя и не согла-

суется с вышеприведенными идеями синергетики, представляет интерес в аспекте понимания важности сопряжения исторического и политико-идеологического знания. Руководствуясь положениями классического естествознания XIX века, Дж. Коллингвуд обратил внимание на то, что если математика, естествознание и теология познают «объекты, не имеющие конкретной локализации в пространстве и времени» (с позиций синергетики — это не так, сегодня естествознание также «открыло для себя время»), то историческая наука имеет, по мнению ученого, другой предмет: изучает «события и деяния — действия людей, совершённые в прошлом» [15, с. 8–9]. Политическое знание, также как история, познает явления, локализованные в пространстве и времени, однако в отличие от истории изучает, прежде всего, настоящее, причем самую динамичную его область — политические события и действия, совершаемые сегодня, но в каждый момент становящиеся достоянием истории, а также их идеологическую интерпретацию.

Одновременно история и политика — взаимодействующие и взаимопроницающие области человеческой деятельности. Известен ряд крылатых фраз: «история — это политика, обращенная в прошлое», «история — это политика прошлого», «политика — это современная история». В них обращается внимание на тесную связь между историей и политикой, хотя не в полной мере вскрыт сложный характер этой взаимосвязи. История не ограничивается политикой — лишь часть исторического процесса и его исследований принадлежит сфере политики (история политической мысли, история государства, история идеологии, история международных отношений). Неоднократно предпринимались попытки обозначить политическую сферу в исторической науке. Например, в форме создания российскими авторами «исторической политологии» (Политология на российском фоне : учебное пособие ; отв. ред. П. И. Симуш. М. 1993. 425 с.), или известной работы американского историка А. Шлезингера-младшего «Циклы американской истории» (М. 1992. 688 с.).

Традиционно считалось, что историческая наука поставляет тот конкретный материал, который нужен для анализа современных политико-идеологических процессов. Однако этим далеко не исчерпаны возможности сопряжения исторического и обществоведческого знания в целях более глубокого понимания политико-идеологических процессов в условиях модернизации. Помощь исторического метода, безусловно, необходима при наполнении понятий «социокультурный код», «цивилизационный код», «национально-культурный код» конкретным историческим содержанием. Но между этими областями знания можно усмотреть и связь

более фундаментального методологического характера. Так, историками был предложен ряд концепций (концепции ментальности, патернализма), объяснительный потенциал которых может быть задействован при выяснении того, в чем, собственно говоря, конкретно заключается уникальность и неповторимость общества, в котором мы живем, и как это влияет на современные политико-идеологические процессы.

При определении социокультурного кода в качестве базисной категории анализа исторической и культурной самобытности народа, требующей междисциплинарного изучения, закономерно также подключение к исследованиям методологии социокультурного анализа, разработанной классиками социологии Э. Дюркгеймом, М. Вебером, П. Сорокиным, Т. Парсонсом. Неудовлетворенность объяснением общественных явлений с позиций абсолютизации общесистемных исследований обусловила разработку в социологической науке парадигмы общества как социокультурной системы.

Рассмотрение общества через призму социокультурного подхода означает рассмотрение взаимодействия его социальной жизни и культуры как основы процессов социокультурной регуляции. По мнению российского академика Б. С. Ерасова, самобытность можно также определить «как способность поддержания присущих данному обществу принципов социокультурной регуляции в различных ситуациях» [4, с. 189]. В данном случае под социокультурной регуляцией понимается «процесс установления и поддержания определенной упорядоченности во взаимодействии людей...» для удовлетворения их индивидуальных и в особенности групповых интересов и потребностей, снятия противоречий и напряжений, возникающих при совместном общежитии, определении общих целей и критериев оценки результатов деятельности» [16, с. 344].

Социокультурная регуляция осуществляется на основе прагматических целей, преследуемых действующими субъектами, и накопленного (отчасти заимствованного) социального опыта, закрепленного в институциональных и культурных образцах. Соответственно, разработанная в классической социологии методология социокультурного анализа предполагает анализ социальных явлений через призму культуры, которая рассматривается в качестве объективного фактора по отношению к социальным системам и личности. Специфика методологии социокультурного анализа состоит в выделении трех предельно широких понятий:

– «социальная система» (социум) характеризует организацию социальной жизни, т. е. как бы форму социальности, которая представлена различными социальными группами, институтами и организациями, а также отношениями внутри и между ними;

– «культура» обозначает содержательные аспекты социальных отношений, их ценностно-смысловые значения (ценности, нормы, идеалы), имеющие непосредственное отношение к объяснению и пониманию общественного сознания и поведения;

– «человек» — мир реальной человеческой деятельности, мотивации и реализации человеческого поведения выступает главным элементом социокультурной модели общества.

Два парных понятия — «социальная система» (социум) и «система культуры» (культура) — являются ключевыми в изучении общества как социокультурной системы. Они тесно взаимосвязаны, но различаются по содержанию. Такое аналитическое расчленение социального бытия способствует лучшему пониманию функционирования всего общества. Подобные приемы научного исследования применяют и в других науках: в физике — это «материя» и «энергия»; в психологии — «мир» и «сознание»; в биологии — «наследственность» и «среда».

Из всех понятий, связанных с социокультурным анализом, самым многоаспектным и дискутируемым является «культура», которое, несмотря на давнее использование, до настоящего времени остается неоднозначным. В западном и отечественном общественном сознании концепции культуры варьируют по широте охвата от субъективных аспектов (смыслов, убеждений, установок, ценностей, норм) до расширения границ культуры во внешний мир, включая совокупность повседневных поведенческих практик и физических артефактов деятельности человека.

Несмотря на различия точек зрения в понимании того, что есть культура, все их можно подвести под общее значение. Мир культуры возникает только в процессе человеческой деятельности. Вне культуры существование человека невозможно, так как она определяет его бытие, специфику сугубо человеческой деятельности. Люди создают не только материальный мир, но и нематериальную или духовную культуру — знания и идеи, законы и нормы, ценности, символы и ритуалы, обычаи и традиции, которые лежат в основе социокультурного кода общества. Мир человеческих взаимоотношений, включающий набор правил и процедур, индивидуальных и общих образцов взаимоотношений, — это также компоненты социокультурного кода.

Далеко не всякий материальный и духовный продукт, созданный людьми, охватывается понятием «культура». Чтобы стать частью культуры, он должен быть принят членами общества (или их частью), а также закреплен в их сознании и материализован. Поэтому в строгом плане понятие «культура» включает те духовные и материальные продукты,

которые произведены, социально усвоены и разделяемы членами общества, а также могут передаваться другим людям или последующим поколениям.

С позиций изложенной в общем плане методологии социокультурного анализа принципиальным в контексте рассматриваемой проблемы является вопрос о механизмах социальной регуляции и преемственности¹, обеспечивающих воспроизводство базовых системообразующих характеристик социокультурного кода общества, позволяющих ему существовать как целое, сохраняя свою уникальность и самобытность даже в условиях системного кризиса. Такие механизмы можно усмотреть как в культуре — в форме традиций как универсального способа передачи культурного кода, так и в социальной системе — в разнообразных видах институционализированных и неинституционализированных социальных структур и практик, выступающих хранителями исторической памяти, что в совокупности обеспечивает передачу опыта и знаний.

Часть элементов социокультурного кода, складывающихся на основе практического опыта социальной жизни людей, передается от поколения к поколению в процессе социализации через механизмы традиции и в какой-то мере является его ментальной основой, на базе социокультурных «автоматизмов»; другая часть — закрепляется и воспроизводится с помощью различных социокультурных институтов. Однако в совокупности образуется единая, весьма сложная, полифункциональная и полисемантическая система социокультурной регуляции.

Важный момент социальной преемственности — передача устойчивых черт культуры из поколения в поколение через механизмы традиции. Традиция как универсальный культурный код является основой развития обществ, которые обычно называют традиционными, и универсальным способом обеспечения социокультурной преемственности во все времена. Сам термин «традиция» (от лат. *traditio* — «передача») многозначен и может означать как содержание передаваемой информации (идеи, нормы, ценности), так и механизмы воспроизведения общезначимого опыта в жизни последующих поколений (обряды, ритуалы, верования).

Однако в том и другом случае традицией обозначают явления преемственности во времени — спонтанную автоматическую передачу общественного опыта, форм и институтов жизни, принципов поведения. В известном смысле традиция выступает как объективный, не зависящий

¹ Преемственность — общенаучная категория, характеризующая такую связь между явлениями в процессе развития, когда новое, снимая старое, сохраняет в себе отдельные его элементы.

от воли людей (иррациональный) фактор политико-идеологических процессов. В этом плане традиция противостоит «инновации» как явлению, не имеющему аналогов в прошлом и ассоциирующемуся с сознательно проводимыми реформами. Традиции несут устойчиво повторяемый характер и могут оказывать как позитивное воздействие на общество, способствуя воспроизведению характерных для него элементов социальной жизни, так и негативное — защищать устаревшие нормы, ценности и институты; могут рассматриваться как способ самообеспечения стабильности и легитимности существующего строя, так и в качестве консервативного фактора, препятствующего модернизации общества.

Важнейшими механизмами воспроизводства социокультурного кода, обеспечивающими преемственность базовых системообразующих характеристик общества, сохранение его уникальности и целостности, выступают социальные институты как институционализованные социальные практики. Передача знаний и технологий деятельности и взаимодействия, накопленных предыдущими поколениями в различных сферах человеческой жизни — функция социальных институтов, которые являются носителями социальной памяти конкретного общества. Для человечества оказалось жизненно важным закрепить, т. е. сделать обязательными правила и способы взаимодействия в различных видах деятельности по удовлетворению наиболее важных потребностей отдельных людей и общества в целом. Это и было осуществлено с помощью социальных институтов — исторически сложившихся форм организации и регулирования общественной жизни, включающих совокупность социальных связей, норм, ролей, предписаний, образцов поведения, санкций, специальных учреждений и систему контроля.

Социальные институты — великое социальное изобретение человека. Как заметил один из крупнейших современных социологов М. Кастельс, «культуры фундаментально проявляют себя через свою встроенность в институты и организации» [17, с. 157]. Являясь формой упорядоченных социальных взаимодействий людей, социальные институты выступают символами организованности и преемственности в развитии общества, и, одновременно, важнейшим структурным элементом общества как социокультурной системы, как бы ее несущим каркасом, выполняющая роль стабилизирующих механизмов.

Социальные институты как хранители социальной информации или своего рода исторической памяти в процессе социализации целенаправленно предоставляют индивиду совокупность значений и смыслов — сумму интерпретативных кодов, обеспечивающих регулирование по-

вседневных социальных практик и взаимодействий людей, позволяя им интериоризировать систему базисных ценностей и действовать в различных сферах жизни так, как принято в данном обществе.

Именно институализированность социальных явлений, связей и действий противопоставит хаосу и нестабильности, выступает прямой противоположностью неорганизованным, случайным, поверхностным, спонтанным связям между людьми и их группами. Однако так происходит до тех пор, пока функции институтов обеспечивают соответствие темпов и направленности развития параметрам функционирования конкретного общества. Если же его параметры существенно изменяются (кризис административно-командной экономики, реалии информационно-технологической революции, глобализации и др.), то социальные институты в важнейших подсистемах человеческой жизни должны иначе функционировать, чтобы обеспечить адаптацию общества к новым «вызовам» и обеспечить его эффективное развитие.

Таким образом, методология социокультурного анализа, которая сегодня пополнилась понятиями «социокультурный код», «цивилизационный код», «культурно-национальный код», «культурная матрица», позволяет по-новому взглянуть на важнейшую проблему социального познания: какие факторы обуславливают наличие и преемственность самобытного, уникального? Именно в процессе взаимодействия социальной жизни и культуры осуществляется как бы слияние универсальных ценностно-нормативных стандартов поведения с мотивацией конкретных социальных групп людей в конкретном обществе, в результате чего возникают уникальные культурные практики на всех уровнях социальной организации.

На уровне личности взаимодействие социальных и культурных аспектов человеческой деятельности проявляется как освоение и усвоение в процессе социализации систем взаимосвязанных интерпретационных кодов, обеспечивающих взаимопонимание людей в данном социуме.

На уровне социальных групп (организаций) результатом взаимодействия социальной и культурной систем является формирование и усвоение общеразделяемых ценностных стандартов, социальных ролей и нормативных требований (обязанностей), предъявляемых конкретным обществом и группой.

На уровне социальных институтов (семья, религия, экономика, политика, образование и др.) взаимодействие социальной и культурной систем реализуется в виде специфических для конкретного общества ценностно-нормативных образцов действий, посредством которых организуется совместная деятельность людей в жизненно важных сферах.

На уровне общества методология социокультурного анализа позволяет признать существование различных культурных форм и их национально-культурную самобытность в рамках единого человеческого сообщества, а также возможность общего социокультурного пространства жизни ряда народов, для которого характерны схожие устойчивые типы социальных взаимосвязей и мотивационных механизмов, что обозначается понятием «цивилизация».

В контексте тенденций развития современного мира, как никогда ранее, актуализируется проблема поиска в процессе разработки идеологии и политики модернизации оптимального соотношения между сохранением цивилизационной и этнонациональной самобытности общества и необходимостью обретения им неких универсальных характеристик, присущих современным представлениям об эффективной общественной системе, между закрытостью, обособленностью и включением в общепланетарное пространство.

Методология исследования социокультурной самобытности может стать теоретической основой идеологического обеспечения политики модернизации, что предполагает использование возможностей, имеющихся в арсенале гуманитарного и современного естественнонаучного знания — привлечения достижений исторических школ, методологии синергетического и социологического анализа, включая парадигмы системного и социокультурного анализа, методы эмпирического социологического исследования. Определение социокультурного кода в качестве базисной категории анализа исторической и культурно-национальной самобытности народа требует дальнейшего проведения междисциплинарных исследований в этой области с учетом возможностей историков, философов, филологов, социологов и политологов.

Список основных источников

1. Тойнби, А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби ; пер. с англ. — М. : Прогресс, 1991. — 736 с.

2. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. / Ш. Эйзенштадт ; пер. с англ. А. В. Гордона ; под ред. Б. С. Ерасова. — М. : Аспект Пресс, 1999. — 416 с.

3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева. — М. : Издательство АСТ, 2018. — 640 с.

4. Ерасов, Б. С. Самобытность // Культурология. XX век. Энциклопедия / глав. ред., сост. и автор проекта С. Я. Левит. — Т. 2. — СПб. : Университетская книга ; Алетейя, 1998. — 446 с.

5. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. — 4-е изд., стереотип. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 312 с.

6. Гуревич, А. Ментальность / А. Гуревич // 50/50: Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. — М. : Прогресс, 1989. — 560 с.

7. Лукашенко, А. Г. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию / А. Г. Лукашенко // О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию : Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов, 27 марта 2003 г. — Минск, 2003.

8. Котляров, И. В. Беларусь на пути в лучшее будущее (социологические тренды) / И. В. Котляров // Социологический альманах / Ин-т социологии НАН Беларуси. — Минск, 2018. — Вып. 9. — С. 9–14.

9. Котляров, И. В. Социология в поисках новой матрицы развития белорусского общества / И. В. Котляров // Социологический альманах / Ин-т социологии НАН Беларуси. — Минск, 2017. — Вып. 8. — С. 6–17.

10. Котляров, И. В. Цивилизационная парадигма белорусского общества: теоретико-методологические основания / И. В. Котляров // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманітарных навук. — 2016. — № 4. — С. 20–32.

11. Демидова, И. А. Менталитет: направления исследования и современное состояние теоретического знания / И. А. Демидова // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сб. науч. тр. / М-во внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». — Могилев, 2018. — Вып. 6. — С. 3–9.

12. Канашевич, Н. М. Политическое сознание переходного общества : учебное пособие / Н. М. Канашевич; Часть 1: Политическое сознание и менталитет. — Могилев : Могилевский пединститут, 1995. — 92 с.

13. Канашевич, Н. М. Политика. Идеология. Менталитет : курс лекций / Н. М. Канашевич. — Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2003. — 128 с.

14. Кройтор, С. Н. Методологические основания социологического изучения социокультурного кода / С. Н. Кройтор // Социологический альманах / Ин-т социологии НАН Беларуси. — Минск, 2017. — Вып. 8. — С. 186–192.

15. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд ; пер. с англ. Т. Велимеева. — М. : Наука, 1980. — 485 с.

16. Флиер, А. Я. Регуляция социокультурная / А. Я. Флиер // Культурология. XX век. Энциклопедия / глав. ред., сост. и автор проекта С. Я. Левит. — Т. 2. — СПб. : Университетская книга : Алетейя, 1998. — 446 с.

17. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М. : ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.

To the question on the methodology of the socio-cultural identity study in the context of the modernization policy

In an interdisciplinary aspect using the methods of historical, sociological, cultural and synergistic analysis, the article considers the analytical and practical significance of the concepts of «originality» and «identity»; in the context of the problems of modernization. It substantiates the key integrative value for the study of the cultural identity of the people of the concept of «socio-cultural code», it turns out its relationship with the concepts of «mentality», «cultural-historical code», «civilization code», «national-cultural code».

УДК 351.7 4 +343.851

© **Владимир Ковалев**

преподаватель кафедры административной деятельности факультета милиции Могилевского института МВД (Беларусь)

© **Uladzimir Kavaleu**

*Lecturer of the Administrative activity dept., the Faculty of militia of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs
e-mail: ad@institutemvd.by*

© **Мария Горностаева**

курсант 3 курса факультета милиции Могилевского института МВД (Беларусь)

© **Maria Gornostaeva**

*3 course cadet, the Faculty of militia of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs
e-mail: ad@institutemvd.by*

**НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ
УЧАСТКОВЫМИ ИНСПЕКТОРАМИ МИЛИЦИИ ОВД**

С учетом изучения и обобщения практики реализации мер индивидуальной профилактики правонарушений, осуществляемой участковыми инспекторами милиции ОВД, рассматриваются особенности, формы и методы этой работы